

“Ночному дозору” наш фестиваль не нужен

13 августа в Выборге открывается XII Российский кинофестиваль “Окно в Европу”, быстрыми темпами набирающий обороты. За несколько дней до этого мы побеседовали с его президентом Арменом МЕДВЕДЕВЫМ. Тогда кое-что в фестивальной обстановка и в его программах окончательно утверждено не было. В этих сферах вечно все меняется вплоть до последнего дня.

– Армен Николаевич, до “Окна в Европу” остались считанные дни. Какова степень боевой готовности?

– Степень боевой готовности высока. Поводов для истерик нет. Но входим мы в фестиваль не без тревоги. Вопрос, который более всего мучает нас да и кинематографическое сообщество в целом, таков: “А что такое нынешние российские фестивали?” Надо понять то, что фестивалю движению вступило в третий этап. На первом этапе фестивали, по сути, заменяли прокат и давали, если, конечно, не имитировали, а все-таки, я думаю, что реально давали, некую публичность российским фильмам. На втором этапе они обрели функции своеобразного пиара. Показать там фильм, а уж тем более получить за него премию – это имело значение в судьбе картины. Не стоит его преувеличивать, но и преуменьшать – тоже. Сегодня фестивали в той степени, в которой они нужны были раньше, российской кинематографии не требуются. Поскольку прокат возрождается довольно активно. При всех оглядках на то, пробьемся или не пробьемся через американское кино, пробьются же с “Ночным дозором”. Этот процесс, на мой взгляд, начался где-то с “Кавказского пленника” Иллера и Бодрова-старшего, когда можно было вложить в фильм миллион долларов и собрать его в прокате.

Сегодня многое изменилось. Продюсеры, прежде чем дать свое согласие, и это не зависит от того, где лучше – в Сочи, Выборге или Анапе, где приятнее – на Черном или Балтийском море, соображают, поможет ли фестиваль их картине или помещает. Есть примеры фильмов, которые не пожелали засвечиваться на фестивалях, начнем с “Благословите женщину” Говорухина, который сознательно ушел от всех фестивалей для того, чтобы вынырнуть свеженьким и чистеньким на премьеры в Москве. Второй фактор, смущающий продюсеров, – возвращение интереса к нашим фильмам на международных форумах. Я думаю, что у нас в Выборге заметно поменяется конъюнктура представления фильмов в связи с тем, что Венеция объявила, кого она берет на свой фестиваль из России. Известно, что в ее конкурсе будет участвовать картина Светланы Проскуриной “Удаленный доступ”. А во внеконкурсной программе покажут “Настройщика” Киры Муратовой. Обе планировались к участию в Выборге. И Муратову мы все же покажем на закрытии.

Первая половина кинематографического года зависит от Берлина, середина года – от Канна, вторая половина – от Венеции. Хорошо это или плохо? Нормально. Мы входим в фестиваль с весомой программой, в ней довольно много премьерных картин. Хотя мы не отказались от участвовавшего в ММКФ “Палы”

Владимира Машкова. Уговаривая Романа Балааяна дать в конкурс картину “Ночь светла”, участвовавшую в “Кинотавре” Верю, что мы придем к тому, что перестанем бороться за право “первой ночи”: “Вот у меня состоялась премьера”. Гораздо важнее, чтобы программа фестиваля была, как выразился как-то Виктор Сергеевич Розов, складенькой. Сейчас перед каждым фестивалем стоит выбор: вы кого поддерживаете, за что боретесь? Я бы, например, боролся за фильм “Ночь светла”, но никак не за “Ночной дозор”. Это два разных направления в нашем кинематографе. И тут надо определиться, что нам дороже и ближе. Я думаю, что фестивали все-таки должны ориентироваться на арт-хаус. Таков их удел. Фестиваль – это ведь объективный суд, самочувствие авторов, судьба фильма в конечном итоге. “Ночному дозору” мы не нужны. Ему не нужен ни один фестиваль, что замечательно продемонстрировали его создатели.

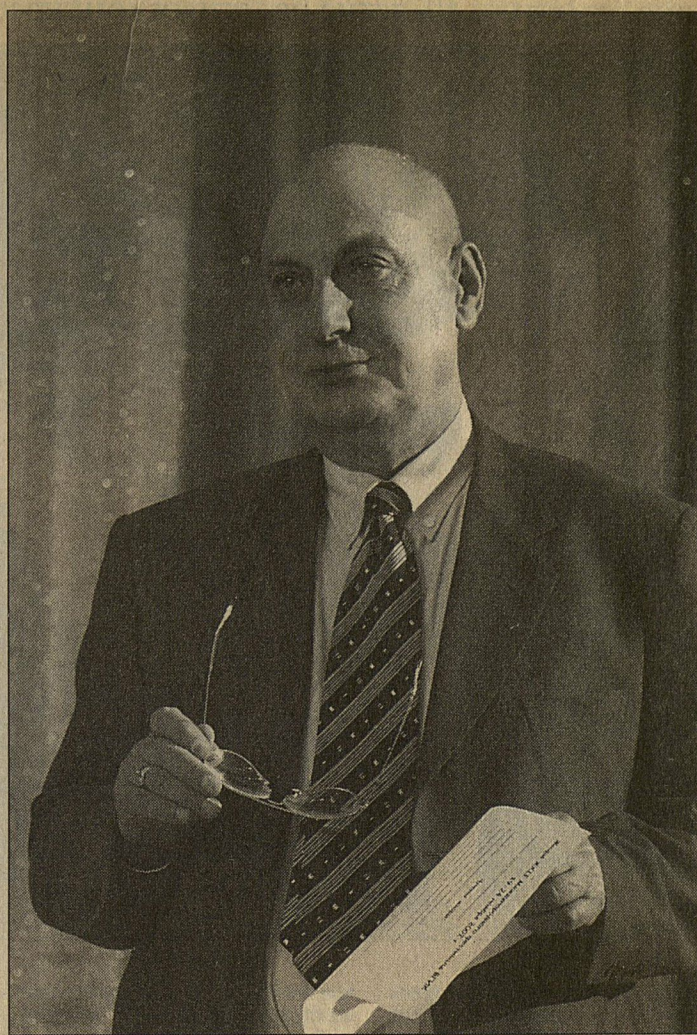
– Что же, не принимать фестивалю такого рода продукт во внимание, словно его и нет?

– Мы задумали акцию по инициативе нашего генерального продюсера Геворга Нерсисяна. На открытии фестиваля будем вручать приз, учрежденный “Российской газетой”, самому успешному российскому фильму. Тому, который состоялся в прокате, получил признание зрителей и собрал деньги. Мы никого на этом основании не причисляем к рангу бессмертных. Наша идея – констатировать и обдумать свершившееся. Хорошо, если бы во время фестиваля все это обсуждалось.

Выборг – город, испорченный кинематографом. Владелец местного кинотеатра рассказывал мне, что если ему не удастся получить копию той или иной картины, то жители города садятся в электрички и едут в Санкт-Петербург посмотреть интересующий их фильм. Вот что сделал за двенадцать лет своего существования Выборгский фестиваль с городом Выборгом – нормальным российским городом, где есть своя интеллигенция, технократия и рабочий класс, все слои населения нашей страны. Одна из целей фестиваля – понять, чего же они хотят смотреть. Для этого существует конкурс “Выборгский счет”, в котором принимают участие все те, кто приходит в кинозалы.

Моя мечта – возродить на “Окне в Европу” те времена, когда игровое кино соревновалось с документальным, а анимация – с тем и другим. Таким образом, выявлять искусство. Пусть это десятиминутная короткометражка, но она выше классом какого-нибудь двухсерийного фильма. Пока же проведем традиционно три конкурса – игровой, неигровой, анимационный.

– Ваша нынешняя программа поражает. Столько в ней свежих картин, которые никто не видел. За счет чего все это богатство со-

А. Медведев

бралось? Под ваше ли крыло стремятся кинематографисты, либо и в самом деле мы переживаем времена расцвета кино?

– Впервые на традиционный вопрос, брали ли все из того, что предлагали, могу ответить отрицательно. Конечно, процент отвергнутого много меньше, чем фильмов, взятых на фестиваль. Появился элемент выбора, что подтверждает мою теорию: надо соревноваться не количеством премьер, а составлять цельную программу. В документальном кино нам этого удалось добиться, как только мы стали обращать внимание на тематическую ценность. Особенно любим отбирать фильмы, рассказывающие о судьбе страны, о человеке в истории. Тех, кто захочет на материале российского и научного кино эту проблему осмыслить, милости просим на наш фестиваль.

– А вы видели картину Светланы Проскуриной? Почему именно ее выбрала Венеция?

– Не видел. Нам от нее пришлось отказаться. Хотя я изучил венецианский устав. Там сказано, что у фильма, участвующего в конкурсе, не должно быть мировых премьер, то есть он не может быть показан вне страны-производителя. Про национальные премьеры ничего не сказано. Тем не менее на уровне полусредних по значимости чиновников ставится условие, что фильм нигде не должен быть показан. И в этой ситуации я понимаю продюсе-

ров. В прошлом году был по той же причине изъят из нашей программы фильм Алексея Германа-младшего “Последний поезд”.

– И все же ветер дует скорее со стороны ММКФ, который ведет не вполне правомерную политику по данному вопросу, а уж в соответствии с ней и наши режиссеры с продюсерами отказываются от участия в национальных фестивалях, если их отобрали на Московский фестиваль...

– Мы не боимся брать фильмы, участвовавшие в ММКФ. Хотя тут же у журналистов возникают вопросы. Существует момент засветки, нигде не денешься. Ведь если вы написали в своей газете о “Пале” во время ММКФ, то второй раз в связи с Выборгом уже не станете этого делать. Этого-то и боятся продюсеры. Мы все-таки живем по советским принципам. Вот пример из моего личного опыта. Я работал в жюри недавнего ММКФ. Возглавлял его Алан Паркер. Он-то и преподал мне урок. Теперь об этом можно уже говорить открыто. В течение пяти минут быстро и легко мы решили, что главный приз достанется фильму Дмитрия Месхиева “Свои”. И я, как простой советский человек, подумал: “Ага, а вот по режиссуре мы отметим Швецию. По актерской работе не забыть бы Автандила Махарадзе, живого классика, исполнителя когда-то главную роль в “Покаянии”. Кстати, отвлекусь. Проведем

в Выборге совместно с журналом “Искусство кино” “круглый стол” и таким образом отметим двадцатилетие фильма “Покаяние”. Это мы его увидели в 1986 году, а завершено он был в 1984-м. Так вот, возвращаясь к работе жюри... Я все распределил по принципу “всем сестрам по серьгам”. А Паркер пошел по другому пути: соревнуются не страны и студии, а фильмы. С его подачи с призом за лучшую режиссуру тому же Месхиеву мы все дружно согласились. А вот по актерской работе я до последнего момента сомневался и сопротивлялся в память о Жене Матвееве. Знаете ли вы, что это он должен был играть роль, которую в итоге исполнил Богдан Ступка. Тут целая история. Вначале Евгений Семенович должен был ставить сценарий “Своих”. Но стало ясно, что по состоянию здоровья он это не осилит. Тогда ему предложили роль, которую сыграл Ступка. Провожая Женю в последний путь, мы вспоминали, что так и не сыграл он эту роль, что Ступка сделает это в традиции Матвеева. А получилось совсем другое кино. И Паркер, и Барбара Зукова настояли на том, что Богдана Ступку надо поощрить. А мы на наших внутренних фестивалях все хотим наградить всех понемногу. Интересно проанализировать, что в итоге получает тот или иной из фильмов-лидеров на разных фестивалях. И давать материал для такого изучения – это путь развития фестивалей. Другого не дано.

Вернуться к статусу главного фестиваля страны, как мечтает, думая о “Кинотавре”, Марк Рудинштейн – человек, к которому я очень хорошо отношусь, – значит вернуться к государственному кино. А его уже нет. Заметьте, что “Ночной дозор” и “Возвращение”, на разных полюсах представляющие наше кино, сняты без копеек от государства. Вспомниаю программы всевозможных фестивалей. Если не ошибаюсь, то “Полеты во сне и наяву” на него не попали, потому что Киевскую студию в те годы должен был представлять не Балаан, а Тимофей Левчук со своим фильмом. И у “Пловца” Ираклия Квирикадзе не было никаких шансов попасть туда. Главный фестиваль страны предполагает некий тотальный отбор, не всегда справедливый. Я не боюсь многообразия фестивалей. Пусть люди смотрят хорошие фильмы, пусть о них напишут. Ничего страшного нет в том, чтобы взять в конкурс картину, участвовавшую хоть в двух-трех фестивалях до того, если она придает осмысленность твоему фестивалю.

– Как вы думаете, чем объясняются паника и отчаяние, охватившие Марка Рудинштейна, и его последующие шаги, связанные с отказом от Сочинского фестиваля?

– Марк – подвижник по натуре. Он на своем горбу вытаскивал то, что вытащил. Но так всегда бывает: вроде бы все шло хорошо и вдруг чего-то не получилось. Я его по-человечески понимаю, объясняя его отчаяние тем объемом труда, который он вложил в самую идею фестивального движения. Я был на его первом фестивале в Подольске, фестивале некупленного фильма, от которого ведет свою родословную “Кинотавр”.

Это был подвиг. В задрипанных клубах, поскольку хорошего помещения не дали, он это провел, собрал людей, хотя всех радостей там было – виноградный сок из коробочек с трубочками. Но он сделал свое дело. За это честь ему и слава. К сожалению, я его давно не видел, а то бы сказал то, что скажу вам: “Марк, не нервничай. На наших с тобой могилах по разным причинам напишут: “Он старался”. Ты многое сделал, но времена изменились, и надо это понять”. У меня ощущение, что “Кинотавр” сейчас перемалывает фильмы. Многие вещи я бы на нем пересмотрел во славу самого фестиваля. Думаю, что Рудинштейн, как человек умный, примет верные решения. Лишь бы не распалась команда. Если она мобилизуется и поймет, что мы вошли в новые времена, то все будет в порядке.

Как ни странно, сейчас нужно вернуться к осознанию изначально смысла фестиваля как праздника. Вот и давайте делать праздник кино. Для меня то, что Михаил Козаков проведет в Выборге вечер памяти Ролана Быкова, не менее важно, чем премьера фильма, который никто и нигде не видел. Ибо это есть элемент праздника кино.

– Возглавляемый вами Фонд Ролана Быкова наверняка готовится к предстоящему 75-летию Ролана Антоновича?

– Обязательно. Выпустим для всех тех, кто любит и помнит Быкова, сувенирное издание DVD, представляющее собой быковскую энциклопедию. Нажатием кнопки компьютера можно будет вызвать любую его роль, посмотреть фрагмент, услышать выступления Ролана, в том числе и самое последнее, в Останкино, после которого его увезли в больницу. В Выборге мы откроем на площади две памятные плиты в честь Ролана и Василия Шукшина.

– Армен Николаевич, а ваша нынешняя жизнь сильно отличается от той, что была еще несколько лет назад, когда вы возглавляли фестиваль?

– Мой друг Анатолий Мукасей недавно пошутил, что ты, мол, пять лет как на пенсии, а тебя все принимают за министра. Какие-то отголоски прежней жизни имеют место быть. Ко мне обращаются, звонят домой рано утром и поздно вечером, просят прочесть сценарий или переговорить с кем-то. Я был госслужащим всего четырнадцать лет. Я – мальчик из кино. Мне как-то Нонна Мордюкова сказала, что я у нее на глазах рос. В этом мое счастье. Было два года в моей жизни, когда я формально не работал в кино, служил в Совмине, но и там занимался вопросами кино, как раз в то время вышло постановление, разрешившее развитие кооперативного начала в кинематографии. Конечно, нынешняя жизнь отличается от прежней, но, с другой стороны, – это нормальная моя киножизнь. Другой я себе не представляю. В кино я знаю все.

Беседу вел
Светлана ХОХРЯКОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

Кинотавр – 2004 – 12-18 авг. – с. 6